

Мария
МАТИОС

Черевички
Божьей
Матери

*Вырванная страница
из буковинской саги*

Харьков
«ФОЛИО»
2015

...Иванка возвращалась из Чёртовой Ямы в час, когда над головой полными горстями высыпались мелкие звёзды, а луна — полная и округлившаяся, словно теперешний мамин живот, — лениво ползла к середине неба, не задевая своими боками ни серебряную дорогу, по которой чумаки до сих пор рассыпают соль, ни одиночные стайки неспешно плывущих ночных облаков и ластящихся друг к другу точно так, как ластьются и облизывают друг друга молочные жеребята, выпущенные на пашню над шумным Чёрным потоком.

Хоть и поздновато, и даже уже немного страшно, но Иванка ставит на тропку ведро с молоком и корзинку с ягодами — и пускается вперёд подскоком, радостно повизгивая, будто пытается кого-то догнать; потом вдруг застывает на месте, запрокидывает голову, и медленно, шаг за шагом, пятится назад.

О, нет-нет, ребёнку, у которого есть мама, задом наперёд идти нельзя! Говорила москалица Северина, что мама может рано умереть, если дитя любит ходить спи-

ной вперёд. «Не забывай, Иванка, об этом, пока растёшь, а станешь большой, пятиться и сама не захочешь!» — каждый раз напоминает москалица, когда Иванка приносит ей молочко.

Почти крадучись, очень медленно, чуть приседая на каждом шаге, — так, словно хочет поймать кота за хвост, — она возвращается назад. Иванка не дурачится — просто хочет увидеть свою тень от луны. Луна сегодня такая большая. Такая ясная. Раздобрелая. А поймать свою тень не даёт. О-о-о, как это нехорошо...

Иванка как-то поймала руками в сарае крысу, когда та подкрадывалась к только что вылупившимся цыплятам. И даже не побоялась держать чёрный крысиный хвост дрожащими ручками. А тут такое... свою тень поймать не может.

А хорошо бы было — поймать свою тень при луне. Тогда бы её навек покинул страх. Так недавно говорила ей москалица. И бабушка Варвара — когда ещё была жива. Но бабушка также говорила, что никто, ни одна живая душа в их селе — даже всё знающий и всемогущий отец Онуфрий, священник, разговаривающий с самим Богом в любое время, — не видел своей тени при полной луне. Где-то на свете есть люди, видевшие со своей лунной тенью и поэтому не знающие страха. Но здесь таких нет. А почему — никто не знает.

Иванка вздыхает, опять запрокидывает голову — и снова внимательно и долго всматривается в яркие не-

бесные колесницы, сбивающие звёздную пыль на землю, словно подавая ей, Иванке, какой-то таинственный знак посреди чёрного леса — грозного, молчаливого и душистого.

Из-за усыпанного звёздами неба и необычно горячего июньского воздуха в этот вечер Иванка опаздывает домой, за что ей наверняка достанется от папы, велевшего идти «одна нога здесь — другая там» и не заходить «через пятницу в субботу».

Но зачем ей сейчас лететь стремглав? Бабушка учила, что нужно ходить «степенно» — важно, не спеша, чтобы люди хорошо могли разглядеть пешего, а идущий — чтоб не нагонял страх на людей своим спехом. «Походка пешего человека многое скажет тому, у кого есть голова и глаза», — добавляла бабушка Варвара. Она любила поговорить — обо всём на свете Иванке рассказывала. И никогда её не ругала, не подгоняла. Не то что папа: «одна нога здесь — другая там».

Но даже мысль об отцовском наказании, когда за невольное ослушание придётся в углу толочь коленями зёрна кукурузы или считать вслух болезненные удары арапника по своей попке, не могла заставить девочку оторвать глаза от круглой-прекруглой луны в небе. А посредине луны — два родных брата стоят, глаза в глаза — с вилами наперевес, готовые вот-вот распороть друг другу животы.

Иванка сжимается, вспомнив недавнюю ссору во дворе их ближайших соседей — Ризунов. Из-за чего

ссорились братья Михайло и Василь, Иванка не знает. А может, со страху забыла. Помнит лишь, как неистово, с видом разъярённых быков, братья наступали, заноса вилы над головой друг друга, будто соревновались в ловкости и сноровке, выясняя, кто скорее проткнёт живот другого.

Лютый рёв стоял во дворе соседей — и до кровавого столкновения оставалось, может, каких-то полшага, когда, наблюдая это со своего двора, изо всей мочи завизжала Иванка.

Она визжала так, словно её саму могли вот-вот поднять на вилы, и она уже чувствует холодное прикосновение металлических зубьев к своей коже. И тогда братья остановились, то ли ошарашенные детским криком, то ли поражённые собственным безрассудством. И каждый опустил своё нехитрое орудие, которое ещё немного — и проткнуло бы живот брата до самого хребта.

Иванка смотрит теперь на луну и думает, что эти, небесные братья, братья лунные, Каин и Авель, — злее, чем Михайло и Василь. Кажется, ещё минута — и красные ягоды их крови покатаются с неба. А может, и катятся уже, и сейчас брызнут прямо в лицо?

Она закрывает глаза, представляя, как оттуда, с самой луны, на землю капает кровь убитого Авеля, — и ей хочется любой ценой развести, остановить разъярённых братьев. Пусть бы и криком. Как остановила Ризунов.

За что они так люто бьются там, на луне? А на земле — за что? Неужели их нельзя помирить какими-нибудь словами? И кто бы это мог сделать?

Иванка снова встаёт на цыпочки, поднимает руки к небу, словно пытается дотянуться до лунной пары. Чувствует даже, как наливаются силой её худые ручки и громко, чуть ли не на весь лес, бьётся сердце. Но она сдерживает крик в горле: вдруг кто-нибудь услышит? Прикусывает зубами язык. И тянется руками вверх.

Но в маленькой головке продолжают рисоваться картины — страшнее страшной: каждый из братьев, разлетаясь в стороны с помощью Иванкиных рук, забирает часть прикованной к себе луны; круглая красавица медленно распадается надвое — и тогда по небу блуждают два её обломанных по краям, кривых куска, а Иванка с земли пытается их соединить, сшить...

Ведь как же людям жить без луны, без месяца — порой тонюсенького рожка, а порой вот такого круглого, как тыква, шара? Под полной луной можно и ягоды собирать, только бы мама разрешила. А можно искать цвет папоротника в ночь на Купала. Ох-ох-ох... остаётся всего лишь три недели до Купала. Вот когда Иванка вновь разыграется!

Девочка опять вздыхает. Так, как вздыхала её бабушка: глубоко, но коротко. И смотрит на луну. Нет, не может быть, чтоб так враждовали два родных брата. Это люди выдумывают, чтоб детей пугать ссорами да